

Генр Моусеевко

по

архивным материалам.

Организатор Морозовской стачки, родился в 1852 году в деревне Обыденной Смоленской губернии, Сычевского уезда., провел безотрадное детство, четырех лет оставшись сиротой. Застав еще крепостническое право, он ревном испытал произвол помещика., следы избиения оставались у него на всю жизнь.

Моисеенко самоучкой выучился грамоте, 13 лет поступил на ткацкую фабрику, где опять така испытал жестокое обращение, которое обычно постигало рабочих-подростков." Бил всякий, кому не лень бывало: и смотритель, и прядильщик, и старший мастер мальчик," С фабрики Моисеенко перешел в торговое предприятие, 18 лет женился и опять поступил на фабрику Зимина в Зуеве ткачем. В 1873 году брат товарища привез из Нижнего нелегальные книги: "Сказку о копейке" и прочие " Сказку о четырех братьях", " Хитрую маханику..." "О, что такое было!" Вспоминает Моисеенко. "Мы с товарищем зачитывались, не верили себе и удивлялись тому, что читали. Мысль заработала: мы стали доискиваться правды и решили проверить то, что открывали нам книги"." Мы мучались, искали выхода и нам казалось, что выход может быть только один: уехать в Питер, где мы можем все узнать". В 1874 году Моисеенко уезжает в Петербург, поступает на фабрику Шау, вступил в артель молодежи, которая ходила на вечерние курсы, а затем после их закрытия - на квартиры студентов, и жадно набросился на книги. Моисеенко познакомился с Плехановым, Дейчем, Чубаровым, Лизогубом и др., вступил в народнические кружки. Особенно сильное влияние на Моисеенко оказали влияние Плеханов и С.Халтурин." Первый научил меня мыслить, второй действовать" говорит

Моисеенко. В 1875 году Моисеенко вместе с Александровым проводит первую экономическую стачку на фабрике Шау, в 1876 году участвует на Казанской площади в известной демонстрации, организованной при участии рабочих, и в тот же день отбивал от полиции оратора, выступавшего в трактире "КАРС" за Нарвской заставой с рассказом о демонстрации. Четырехлетняя работа в революционных кружках, усиленное чтение и общение с революционной средой оформили революционное сознание Моисеенко., создали из чего оорца и дали ему необходимый для борьбы опыт. Моисеенко перешел на Ново-Бумагопрядильную фабрику, где шире развил пропаганду, а в 1877 году, поступил в артель посыльных между прочим использовал это положение для выполнения революционных поручений. В 1878 году Моисеенко участвовал вместе с Халтуриним и Оонорским в организации " Северного- русского рабочего союза", а затем поступил на Ново-Бумагопрядильную фабрику, где "зрело недовольство рабочих вычетами за челноки и низкой заработной платой".

Забастовка интересна тем, что рабочие решили подать прошение наследнику /будущему императору Александру III /, несмотря на уговоры Моисеенко и его друзей. "Это означало, как выразился Плеханов, просить сатану отслужить молебен угоднику". Прощение пришлось писать Моисеенко. Он же идет во главе толпы подавать прошение наследнику. Моисеенко арестовывают, но по распоряжению наследника освобождают. Моисеенко возвращается на фабрику.

Забастовка продолжалась и окрепла. Результат был тот, что требования

рабочих были удовлетворены. Скоро Моисеенко арестовывают и отправляют на родину под надзор полиции. В деревне Моисеенко оставался недолго. Приехавшая из Петербурга жена сообщила ему о процессе В.И. Засулич, а скоро получилось известие об убийстве Мезеншера. Все это побудило Моисеенко бежать в Петербург. Моисеенко переходит на нелегальное положение, делается профессиональным революционером, организует кружки, тройки и пятерки. В начале 1887/88 года / 1879 года на Ново-Бумагопрядильне опять вспыхнула забастовка, в которой участвовали и другие фабрики, и опять Моисеенко делается одним из руководителей. Это скоро арестовывают, и в тюрьме он организует голодовку политических заключенных, как протест против жестокого режима, и добивается ряда уступок. В тюрьме много читает. После полуторагодичного тюремного заключения Моисеенко ссылают в Восточную Сибирь, откуда он вернулся в 1883 году и поступил на Орехово-Зуевскую фабрику Саввы Морозова, где был записан под фамилию Моисеенко / раньше числился Петром Анисимовым /. Производ на фабрике царил такой, какого нигде не было. Снижения и без того низкой заработной платы, штрафы за все, за громкий разговор в казармах, пение, игру на гармошке и т.п.

При выдаче и приеме считывали и обрешивали, работа длилась 16-17 часов. "а ежели чуть заболел - на улицу, как собаку". Рыцеты составляли 25-50 % заработка, давая Морозову десятки тысяч в год. Моисеенко порел агитацию. После пасхи 1884 года он перешел в Ликино, на соседнюю фабрику Смирнова, но проработав 2 месяца вернулся к Морозову с решением "во чтобы то ни стало устроить забастовку". Забитость рабочих была ужасающая, и тем не менее Моисеенко удалось сдвинуть эту массу с мертвой точки. 7 января 1885 года началась знаменитая Морозовская стачка. Уговоры Моисеенко и его ближайшего сотрудника рабочего Волкова, не делать насилий не вполне удались. Рабочие разгромили несколько квартир администрации, харчевню и пр. Забастовало 8000 человек, 8-го января приехал губернатор, собрал небольшую группу рабочих, и Волков прочитал ряд требований экономического характера, составленных Моисеенко. Губернатор велел арестовать и Волкова и еще 51 рабочего.

Результатом разговора губернатора с Морозовым было объявление о расчете всех рабочих, утверждение о ~~расчете~~ обавки заработной платы, объявленной 1 октября 1884 года, бывшей одной из причин стачки. Рабочие сорвали объявление и расклеили свои требования. По уговору Моисеенко рабочие собрались толпой и пошли освобождать арестованных. Удалось освободить больше 40 человек.

После за этим произошло целое побоище. До 600 человек наиболее активных рабочих было на другой день арестовано и выслано на родину. Забастовка прекратилась. Сам Моисеенко был арестован позднее. В день побоища он предложил послать министру внутренних дел телеграмму с требованием назначить специальную комиссию для расследования дела, и рабочие решили отправить самого Моисеенко в Москву для посылки телеграммы, так как в самом Орехово-Зуеве этого сделать было нельзя. Моисеенко исполнил поручение и вернулся опять в Орехово с решением "взять гичу на себя, зная вперед, чтосылки все равно не миновать". Немедленно же по возвращении Моисеенко был арестован.

Во время следствия и суда Моисеенко вел себя с большим достоинством и независимостью. Судили два раза, в судебной палате, которая приговорила Моисеенко и Волкова к трем месяцам тюрьмы, как зачинщиков стачки, и в суде присяжных, который их оправдал. По окончании суда Моисеенко и Волков были опять арестованы и сосланы в административном порядке в Архангельскую губернию. /Примечание А.К. Моисеенко в Мезень, архангельской губ. Волков в Вельск /Сыктывкар/ Вологодской губ./

Значение для русского рабочего движения Морозовской стачки, которой руководили сами рабочие и которая сопровождалась столкновением с войсками, было огромно. Она отразилась и на той стачечной волне, которая прокатилась почти по всей России в 1885 году. Практическим результатом стачки было издание в 1886 году закона о штрафах, который являлся уступкой требованиям, предъявленным морозовскими рабочими. Моисеенко водворяется в Мезени, быстро научается столярному ремеслу, что ему весьма пригодились в последствии при неоднократных ссылках, устраивает артельную мастерскую, где работают политические ссыльные. В 1889 году по окончании срока ссылки, Моисеенко уехал в Челябинск, оттуда опять был выслан на родину и, после долгих странствований, попал в Ростов на Дону. Здесь он вступает в соц. демократическую партию и ведет пропаганду среди местных рабочих /Примечание А.К. среди железнодорожных рабочих /Моисеенко опять арестовывают, держат в тюрьме 7 месяцев и отправляют в г. Вельск Вологодской губ./ Примечание А.К. Моисеенко прибыл в Вельск в 1894 году и выехал домой на родину в феврале 1898 года. После окончания ссылки Моисеенко уезжает в Донецкой бассейн. На Донецких рудниках Моисеенко вел усиленную пропаганду и работает там до 1908 года все время преследуемый полицией и не прекращающий своей революционной работы. В 1916 году Моисеенко опять играет руководящую роль в охватившей 30000 человек Горловской забастовке. Моисеенко должен был опять скрываться вплоть до Февральской революции. В 1918 году Моисеенко работает в Красной армии, вступает в РКП, живет затем на Кавказе, в Харькове, Москве и Орехове-Зуеве. /см. Моисеенко П.А. "Воспоминания старого революционера - 1873-1923., Давыдов" Рабочий революционер П.А.М.

Страница 164. "Рабочее движение в России в 19 веке .

Показания Петра Моисеевко начальнику владимирского губернского жандармского управления С.С. Фаминцыну.

1885 года 18 дня обвиняемый Петр Анисимов продолжал давать показания.

В Петербурге во время моего там пребывания я был знаком только с рабочими - Ануфрием Степановым, Григорием Савельевым и Герасимом Ирановым, которые работали на фабрике Шау, и с Федотом Лазаревым, который работал на фабрике Шау. Новой бумагопрядильной фабрике. С Лукой Ирановым я познакомился в Петербурге, когда работал на фабрике Шау, где он был ткачем. Ранее этого времени я с ним знаком не был. В Петербурге он одно время жил с нами на одной квартире за Нарвской заставой, на даче Болдыревой, где была и фабрика Шау. Мы жили с ним вместе месяц или полтора, не больше. Затем он уехал в деревню, и мы с ним встретились после этого только во время второй стачки на Новой бумагопрядильной фабрике в 1879 году, где он был ткачем. Нас заарестовали в одно и то же время в Коломенскую часть, где я просидел месяцев 5, а он кажется, просидел немного, но сколько не знаю. Оттуда меня отправили в дом предварительного заключения, а его в Литовский замок. Со дня нашего заарестования мы уже с ним не виделись до самойсылки и встретились уже во время отправки в вагоне железной дороги. Все время моего ареста жена работала на фабрике Шау ткачихой.

Брат мой Григорий Анисимов приехал со мной в Петербург приблизительно в 74 году и поступил молотобойцем на механический завод "Архимед" Струкова, за Московской заставой. Сколько он там прожил времени, я не знаю, но пока он служил на этом заводе, мы с ним виделись редко, а затем он перешел на Екатеринбургскую барона Штиглица бумагопрядильную фабрику в Волынку, за Нарвской заставой, где он был сперва смазальщиком, а потом машинистом. Когда он перешел в деревню волынку, он жил все время до самого приема в солдаты у нас на квартире. Жил ли у нас в то время Лука Иванова, не помню. Когда я сел в вагон Московской железной дороги, я из знакомых встретил только, как я уже сказал, Луку Иванова. Таким образом, мы доехали до Вышнего Волочка, где мы прожили месяца полтора. В Вышнем Волочке нас нагнал мой бывший знакомый по Новобумагопрядильной фабрике ткач Конев. Там же я познакомился с Ираном Тимофеевым Смирновым, который был сослан за побег из одной из северных губерний, куда он был выслан административно. Кроме того, в Вышнем же Волочке я познакомился с неким Белецким, кажется, Леоном, который был не знаю за что выслан с целой партией из Варшавы. Турнич, как я предполагаю, был со мной вместе в доме предварительного заключения, лица его совершенно не помню. Вероятно, мы с ним переговаривались потому что он меня знает. Это я заключаю из того, что, когда я жил в Анжере, то получил письмо от Белецкого, что в Ялуторовск прибыл мой знакомый по дому предварительного заключения Исаак Адольфович Турнич. Потом мне написал Турнич письмо о своем житье, я ему ответил и просил

высылать газеты. Он высылал мне разные газеты, и от этого у нас завязалась переписка. По прибытии в Сибирь в Тюмени остался Белецкий и потом, как я узнал из его писем, был отправлен в Ялуторовск. Мы же продолжали путь до Канска, где нас расселили по разным местам. Меня отправили Ганцырь, Луку Иванова в Устьянское, Смирнова в село Тасеево, и Коняева в Ирбей. С Лукой Ивановым и со Смирновым я переписывался., также и с Белецким, а со Коняевым мы переписки не вели. Когда мы уже были с женой в Анцре, приехали Орест Эристорич ЭристоричАппельберг и Барн Коренев. Орест Эрнесторич все время жил с нами на одной квартире до отъезда его в Канск. Так что он пробыл месяца три. С Корневым же мы почти совсем знакомы не были по его необходимости характера. В настоящее время Аппельберг находится на службе в Ирбее. Смирнов теперь живет в Анцре. Гурвич и Белецкий где находятся мне не известно, но, должно быть уже возвратились в Россию, так как как срок их уже должен был кончиться. Перед отъездом из Из Анцры туда приехал Александр Федорович Логорский, который и остался там на моей квартире. Кроме мною перечисленных личностей я еще был знаком с сильными не по политическим делам - Владимир Антонович Петрицевым, у него я крестил сына от гражданского брака и его называю кумом. Коновкина Сахачих, и Мациерских я не знаю и с ними никакой переписки не вел. От Логорского получил одно письмо, но ему не отвечал. Моя жена знает только Аппельберга, Смирнова, Коняева, и Белецкого. Гурвича она совсем не знает, так же не знает Коновкина. Рабочим вопросом я интересовался только с литературной стороны, насколько он разрабатывается в журналах и газетах.

Сам же я лично не собирал никаких сведений о положении рабочих и никаких материалов по этому вопросу не собирал.

Предъявленная мне рукопись / предъявлена рукопись за № 16 / писана мною. Это заметка была писана вскоре после разращения моего из ссылки, и, быть может, я и имел желание послать ее кому-либо из моих знакомых, да так она и осталась у меня. Здесь выражение моих личных ощущений и чувств, мне действительно тогда казалось это разумительным, такого порядка нигде на фабриках в Петербурге нет. Смерть мне казалось обидным, а дядя потом поприрек. Эти мои ощущения и выражены в последних строчках моей рукописи. Предъявленное мне письмо / предъявлено письмо за № 7 / от Гурвича. Рынкевича я знаю, но с ним знаком только лично, но переписки с ним не вел. Почему Гурвич писал обо мне Григорьеву и кто этот Григорьев, я не знаю.

О побеге из Кургана сильных я слышал, кажется, я еще тогда был в Анцре, но ни Петропавловского, ни Березнерского не знаю и, почему мне об этом пишет Гурвич, объяснить не могу, должно быть, он думает, что новости эти относительно сильных могут меня интересовать здесь. Когда я еще жил в Анцре, я получил от Гурвича программу тех сведений, которые он просил меня собрать относительно жизни и экономического положения крестьян около Анцры. Сведений я ему этих не доставил, а передал Логорскому, который принял этот труд на себя. Гурвич шлет привет моей жене

только из глупости ко мне. Он жене моей никогда не писал, а я только узнал от меня, что жена была со мной. Слова: "Сообщите также как отнеслись к вам наши односельчане, когда вы им рассказали наши мытарства. Чорт возьми! Завидую я вам в этом отношении: Вас поди уже не заподозрят в желании восстановить крепостное право", я пояснить не могу и на эти строки никакого не обратил внимания. Гурвич просит меня адресовать ему письма на имя его жены, так как ее переписка не под контролем, потому что письма долго задерживаются в контроле. Я же ему никогда не писал ничего такого, что могло бы быть не под контролем. Предъявленное мне письмо / предъявлено письмо № 8. / писано мне из Ишима от Гурвича. Я отвечал Гурвичу на его письмо приблизительно в ноябре месяце или декабря 1883 года и описывал ему свое печальное положение на фабрике Морозова и несчастное положение моего отца и матери, которые жили на фабрике Зиминых. Вероятно, он поэтому и пишет мне, чтобы я не падал духом. Слова "Ведь вы что ни на есть в самом интересном центре жизни", я объяснить не могу. Почему Гурвич считает мое положение особенно удобным, я объяснить не могу. Равным образом слова: "Вас сразу признают за своего брата, в вас никто не заподозрит барина, выходящего за восстановление крепостного права!" я объяснить не могу, но полагаю, что эти господа считают меня за такого же пропагандиста, как они, но они в этом очень ошибаются. Мне желательно было, чтобы вы прочли те письма, которые я писал Гурвичу. Вы бы увидели, что я описывал только свою жизнь. Совершенно одинаковым образом я объясняю и следующую фразу: "одним фактом нашего существования есть уже живая демонстрация, способная рассеять распространенное против нашего брата предубеждение". "Здесь видно, что что причисляет меня к их компании, что и выражено в словах" нашего брата ". Я писал Гурвичу, что рабочие здесь очень неразвиты, я заметил косность в массах из того, что они не понимают, что читают. А мне иногда приходилось читать в коридоре рабочим, они чтением не интересовались, после чего я и бросил читать. Вследствии этого письма Гурвич считал меня пропагандистом и называет меня пионером критической мысли и советует мне заняться развитием людей не понимающих.

Я читал им книги, которые я брал из библиотеки на фабрике, больше журналы, как то: "Отечественные Записки" и "Русскую мысль"., читал я из журналов этих как повести, так и статьи политико-экономические.

Мрачный мой взгляд, как пишет Гурвич, на положение населения с. аншеры заключается в том, что оно было постарело очень плохо, я про-это говорил, насколько оно отражалось на мой личный быт., при дороговизне материалов первой необходимости можно было заработать 5-6 рублей в месяц, что делало существование очень тяжелым. На обороте этого письма моей рукой:

" Ответ послан "

Петр Анисимов Мосеев

полковник Фамицын

находился товарищ прокурора Э Филковский

1885г, января 17.

Из показаний Е.С.Моисеенко судебному следователю Владимирскому окружного суда П.А.Баскакову.

Екатерина Сергеевна Моисеенок, крестьянка Сычевского уезда, Кравцовской волости, дер. Ободенной, 34/4 года лет, православная, неграмотная, судима не была, ткачиха на фабрике т-ра Никольской мануфактуры., живу в 9 рабочей казарме за чулункой.

Мужа моего зовут Петр Анисимов Моисеенок, а здесь прозвали Щероаковым, вероятно потому, что у него нехватает спереди $\frac{1}{2}$ I I₂ верхних зубов.

Он по ремеслу ткач, как и я. Прежде лет тому пять назад, мы жили года три в Петербурге, где работали тоже на фабрике. Затем вскоре после того, как муж рассчитался на фабрике и поступил в посыльные, его неизвестно за что заарестовали и административным порядком сослали в Енисейскую губернию, где в г. Канске мы прожили, считая и время, проведенное в дороге, - 2 года 8 месяцев. Когда кончился срок, около двух лет тому назад, нас возвратили сюда без права проживать только в столицах. Я жила с мужем в Сибири по своему желанию. После этого мы жили здесь на разных фабриках: у Ивана Захарова близ Богородска, Смирнова. Здесь на фабрике до пасхи прожили 7 месяцев: после пасхи жили у Смирнова и в Богордске, а два месяца тому назад опять поступили на здешнюю фабрику. Муж работал на втором этаже новой ткацкой, а я в третьем. На другой день крещения мы с мужем пришли на работу обыкновенное время. Он пошел в свой этаж, а я в свой. Я работала и не знаю, кто первые из рабочих и из за чего бросили работу, зашумели и пошли гон...

Рабочего Пахомова я совсем не знаю, а рабочего Волкова знаю. Он работал вместе со мной. Этот Волков только один раз был у нас на квартире, именно вечером в крещение около 6 часов. В крещение в 11 часов утра, муж куда-то уходил и пришел домой около 5, а вскоре пришел и Волков и посидел у нас недолго, они пили водку. В то время у нас сидели гости - мой дедерь Григорий и рабочий Андрей Егоров из I артели, кум моего мужа. Не знаю, где познакомился муж с Волковым, и зачем тогда муж приходил. Тогда не было никакого разговора, чтобы на другой день сделать стачку. Волков ушел от нас часов в 6 домой в 8 казарму, как он говорит, со своей женой, которая приходила за ним. Муж мой остался дома и никуда не ходил в тот вечер. К мужу вообще другие рабочие не ходили и он никуда не ходил. В свободное время все читал книжки, которые брал из фабричной библиотеки. Я не слыхала, чтобы мужа моего называли студентом. Муж мой в последнее время выжаривал фуражку на голове, а на шею белый платок. Больше показать ничего не могу. Показание удостоверю присягой.

Екатерина Моисеенок не расписалась по неграмотности.

Судебный следователь П.Баскарев.

МГОИА, Ф.Московской судебной палаты, 1885 Г.оп.41, д141, л 57-58.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. МОСЭЕНОК :

1. Мосеенок Алексей Анисимович, рядовой Красноярского пехотного полка. Полк был расквартирован в Финляндии.
2. Мосеенок Григорий Анисимович, ткач на фабрике Смирнова в деревне Ликино, Владимирской губ.
3. Мосеенок / Сазонова / Екатерина Сергеевна- ткачиха Никольской мануфактуры, жена П.А.Моисеенко. в ботница-бахромщица в Москве.
4. Мосеенок Матрена Анисимовна - сестра П.А.Моисеенко
5. Мосеенок Наталья Анисимовна - сестра П.А.Моисеенко, ткачиха на фабрике Смирнова, в деревне Ликино, Владимирской губ.
6. Отец и мать живут в деревне, занимаются хлебопашеством.

№ 41.

1885 года, января 18.

Показания П.А.Моисеенко начальнику Владимирского губернского жандармского управления С.С. Фаминину

1885год, январь 18 дня я, начальник владимирского жандармского управления полковник Фаминин, в присутствии товарища прокурора Московской судебной палаты Фальковского, допрашивал на основании правил 19 мая 1871 года в качестве обвиняемого нижепоименованного, который показал :

Зовут меня Петр Анисимович Мосеенок. Имею от роду 33 года. Рероисповедания православного. Место рождения Смоленской губернии, Сычевского уезда, Кравцовской волости, деревни Обыденной. Место жительства на Никольской мануфактуре Саввы Морозова сына и компании. Рождение законное. Крестьянин. Русский. Грамотный.

Особые приметы : нет передних полутора зубов, рябоват. Семейное положение : отец и мать живут на родине, занимаются хлебопашеством. Имею двух братьев- Григорий Анисимов, служит на фабрике Смирнова в Ликине., Алексей Анисимов, ~~служит~~ 21 года, служит рядовым в Красноярском пехотном полку в Финляндии. Имею двух сестер: девицы- Матрена Анисимовна 23 лет, служит бахромщицей в Москве, но где не знаю. Наталья Анисимовна 17 лет, ткачиха на фабрике Смирнова в Ликине. Женат, детей не имею. Имущественное положение - имею наделенную землю. За границей не был. Под следствием был два раза, оба раза за стачку., первый раз я был выслан на родину административным порядком, а второй раз сослан в Восточную Сибирь, в город Канск административным же порядком на полтора года. В принадлежности к какому-либо обществу, стремящемуся противодействовать распоряжениям правительства, а также в возбуждении или устройстве стачки рабочих на фабрике виновным себя не признаю. В 1866 году, когда мне было лет 13, я был отправлен в Москву и поступил на суконную фабрику Гучкова присучальщиком., там я прожил, как мне помнится, не более года и оттуда поступил на ситцево-набивную фабрику Цинделя, где где служил мальчиком в красильне, там я пробыл около трех лет. Затем отец

отдал меня в ученье в овощную лавку в Петровско-Разумовское к Василию Филатову. Пробыл там полтора года, а затем перешел в Москву и служил в течение полугода в различных овощных лавках.

В 1871 году я отправился в деревню и там женился на крестьянке села Богоявленского Екатерине Сазоной, и прожил в деревне Обыденной целое лето. Осенью вместе с женой мы отправились в Москву и я поступил молодцом в лавку Андреева на Плющихе, а жена служила кухаркой у того же Андреева., здесь мы прожили полгода и переехали в дубовку на ткацкую фабрику Зиминых, как -то в то время проживали тут мой тесть и теща. Здесь мы прожили приблизительно три года. После этого мы с женой отправились в Петербург и поступили на ткацкую фабрику Шау за Нарвской заставой.

Я нанялся ткачом, а жена ткачихой, на фабрике этой мы проработали три года. В 1877 году мы поступили на Новобумагопрядильную фабрику за Обводным каналом ткачами., спустя приблизительно полгода я получил расчет с фабрики и поступил в артель посыльных, причем внес 50 рублей залогом, жена моя в это время держала квартиру на Глазовой улице, в чьем доме не помню, и постояльцами у ней были фабричные с Новой бумагопрядильной, в это время я жил с женой. в Марте месяце 1878 года меня заарестовали на улице и отправили в часть. Заарестовали меня за то, что на квартире жены моей собрались фабричные для разговоров, и в это же время была стачка на Новобумагопрядильной фабрике. Меня заарестовали уже после стачки, и об этих соорисах я узнал, будучи под арестом., в мае месяце меня административно выслали на родину с воспрещением выдачи риды на отлучку.

Так как мне в деревне кормиться было нечем, то в конце 1878 года я возвратился в Петербург без паспорта и не имея определенных занятий, старался добывать себе работу хотя бы по денно на фабриках Новобумагопрядильной и Кожевникова. В январе месяце 1879 года произошла стачка на Новобумагопрядильной фабрике, выразившаяся тем, что рабочие из-за штрафов и увольнения 44 человека рабочих не вышли на работу, а сидели в своих квартирах.

Я в это время рабочим на фабрике не числился, но меня взяли на улице, заарестовали и после разбора дела в губернском жандармском управлении административным порядком послали в Вишневу губернию на полтора года., в июле месяце 1880 года я был отправлен с партией политических ссыльных в Канск, а оттуда в село Анцрь. В июле месяце 1883 года мне было разрешено возвратиться на родину, и я возвратился через Москву и Гжатск прямо к себе в деревню, жена моя была все время при мне., прожив месяц в деревне, мы вместе с женой приехали в Никольскую мануфактуру Саввы Морозова сына и компании, где и нанялись ткачами. Проработав здесь семь лет месяцев мы перешли в Ликино на фабрику Смирнова, тоже ткачами. В сентябре месяце 84 года мы поступили на те же должности на Глуховскую мануфактуру Морозова Ивана Захарыча, а в ноябре месяце того же года перешли обратно в Никольскую мануфактуру Саввы Морозова сына и компании, где и служим по настоящее время.

Петр Анисимов Мосеенок. Полковник Фаминцын
Товарищ прокурора Фальковской

1885 год, января 18.

Показания П.А.Моисеенко судейному следователю Владимирскому окружного суда П.А.Баскареву.

Я не признаю себя виновным в том, что был зачинщиком беспорядков 7 го января на фабрике Морозова, выразившихся умышленном пореждении строений и истреблении недвижимого имущества., равно я не признаю себя виновным и в подстрекательстве рабочих на стачку с целью принудить товарищество Морозова к повышению заработной платы вопреки условию. Зная никакого соглашения или сговора на то, что бы образом, и друг, всем рабочим 7 января с утра прекратить работу, не было, хотя между всеми рабочими давно шли толки о том, что при таком положении, какое стало в последнее время, оставаться нельзя, потому что заработок сделался совершенно ничтожен - одолели штрафы, кроме невозможной низкой расценки на выработку товара с куска.

7 января утром в 5 часов я пришел в фабрику в свой 2-й этаж., жена осталась еще дома. Поработав немного, я зашел в сортир. Там было человек 5 рабочих, имен которых я не знаю, но личности могу узнать. Они говорили между собой, что сегодня в праздник работать не следует, так как на других фабриках не работают. Я ничего тут не сказал, а пошел в 3-й этаж, чтобы поговорить со своей женой, но ее на месте не оказалось. Я зашел в мужской сортир 3-го этажа. Там тоже была толпа рабочих человек 15, и шел тоже разговор о том, чтобы не работать для праздника в этот день. Знакомых рабочих тут не было, т.е. таких которых я знаю по именам. Василия Болкова, которого я знал прежде, там не видел. Туда заходил смотритель и спрашивал, почему не хотят работать. Я тогда же ушел к себе на 2-й этаж.

Но соглашение на стачку делаться не было, и я не с тем приходил в 3-й этаж, чтобы устроить одновременно заостровку в обоих этажах. Я принялся опять за работу. Но вскоре сделался шум., рабочие поехали, и я побежал вон вместе с другими, крича другим чтобы уходили. Из 2-го этажа мы пошли в 3-й, где уже тоже бросили работать, - прошли затем, чтобы вместе выйти., затем мы пошли вниз, оттуда ~~идти~~ выгнали рабочих и затем толпой пошли в прядильных корпус., там тоже стали кричать, чтобы бросили работу и присоединились к нам. Тут вышел надзиратель, который спросил, почему не хотим работать. Тут рабочие ответили, что сегодня праздник и, кроме того, тут-то впервые заявили, что и на другой день и на третий день не выйдут на работу, потому что штрафы одолели. О повышении расценок тут прямо ничего не выражали. Впрочем был крик, шум. Потом пошли во второе заведение, где тоже приостановили работу. Те рабочие тоже присоединились к толпе.

На старом заведении, между газовым заведением и фабрикой, человек около 200, между которыми было много татар, стали бить фабричных кольями и чем попало. Чернорабочие были посланы, как они потом говорили, администрацией фабрики усмирять рабочих. Рабочие со своей стороны кинулись на чернорабочих, начали их тут же бить окаясинами и прогнали через конторский двор на Чикольскую улицу. Тут-то вот фабричные, озлобившись на чернорабочих

и начали бить стекла, сначала в их помещении, а потом уже в конторе. В прочем, я узнал об этом уже потом, так как сам я в то время, когда ~~рабочие~~ чернорабочих погнали на конторский двор, обходя через ворота фабрику на-вым двором, т.е. мимо ногого ткацкого корпуса, прошел по Никольской улице в Зуево. Народ в это время ходил по улице толпами, но озаобразий еще никаких не делалось. Это было в 9 часов. В это время ворота, ведущие с Никольской улицы на конторский двор, были снова затворены, и на Никольской улице стекол не били. В Зуево я зашел в один из кабаков. Там встретил Василия Волкова и несколько подмастерьев, не знаю, как их звать. Мы выпили., посидели около получаса. Тут приехал кто-то и сказал, что на фабрике лавку грабят. Мы с Волковым поехали сюда и увидели, что действительно растаскивают хлеб из хлебной развонтой уже лавки. В харчевой лавке были биты стекла, но там еще расхищения еще не происходило. Народу было ужасного — и нашего фабричного и чужего. Мы Волковым стали убеждать народ прекратить грабеж, говоря, что нам хозяйского добра не надо, и, действительно, некоторые слушались нас и бросали хлеб. Потом народ начал кричать, чтобы вышел к нему объяснить управляющий фабрики Дианов. Мы с Волковым и еще кто то пошли в дом Дианова, чтобы вызвать его, полагая, что через это народ скорее успокоится, но нам сказали, что Дианов нет дома, и мы отошли, не входя даже в его дом. Тут меня один знакомый рабочий, не знаю его имени, отвел от толпы, и я через двор Викула Морозова прошел к себе домой.

По Английской улице я не проходил и не видел, что там делалось. Волков остался около дома Дианова. Победив дома, я, кажется, вместе с женой пошел в Орехово в лавку по делу своему, а затем из Орехова пошли на фабрику по Никольской улице. В Орехове мы пробыли часа два. На фабрику вернулись около часу или 2-х часов. Народ попрежнему ходил толпами по улицам.

Окна в конторе, в общественном магазине и в других местах были уже биты., грабеж общественного магазина уже был сделан. На правой стороне Никольской улицы, около ворот дома Викулы Морозова, где помещается контора, наискось через дорогу от общественной лавки, лежал какой-то избитый совсем человек, про которого сказывали, что он лежит уже часа полтора. Из сострадания к избитому, хоть он был совершенно мне незнаком, я выпросил у Викуловского сторожа рогожку и с помощью других незнакомых мне рабочих мы перенесли его в больницу. Из больницы мы с женой прошли домой. На фабрику в тот день я больше не ходил, а ~~в 4-х~~ часов в 5 вечера отправился к брату своему, Григорию Анисимову, проживающему на фабрике Смирнова в дер. Ликине, откуда верст за 8. Следующий день я провел у брата и, вернулся на фабрику только в среду. Ночевал я дома. Затем в четверг, пятницу и субботу, т.е. 10, 11, и 12 января, находился на фабрике. Вечером в субботу выехал отсюда ~~и находился~~ и находился в отсутствии до вчерашнего дня, когда меня арестовали в дер. Ликине. Где я находился — сказать не желаю. /Моисеев ездил в Москву /.

Во время нахождения моего на фабрике 9, 10, 11 числа, мы, рабочие, вместе обсуждали свое положение. По желанию рабочих мы с Василием Волко-

ВЫМ составили и письменно изложили желание и требование рабочих.
/ Показываемые мне на оумате " требования по общему согласию рабочих"- показана оумата, поданная обвиняемым Волковым прокурору суда 11 января / - те самые, которые мы писали. Первый лист написан Волковым, а дальше 2 и 3 лист написаны мною. Мы только письменно высказали со слов рабочих их желания, а своего ничего не прибавили. Требования эти прежде подачи прочитаны были рабочим по казармам и на улицах, и все были согласованы. Рабочих, заявивших согласие, были тысячи. Мы с Волковым, а также и многие другие говорили рабочим, чтобы они не сдавались на условия хозяина, которые были объявлены по приезду губернатора и Морозова и в которых было сказано только то, что рабочим возвращается штраф за три месяца, а работать они должны на прежних условиях. Но мы не убеждали рабочих продолжать стачку, так как это было излишне. Все рабочие были согласны между собою, что так жить на фабрике нельзя. 11 числа, когда задержали Волкова и заарестовали партию рабочих, народ выражал желание, чтобы Волков и другие были освобождены.

Затем, когда народ не пустили в фабрику, рабочие разломали так называемые оанные ворота и бросились к казарме, где были арестованы рабочие. Я шел сзади и не видел, что происходило., солдаты народ оттеснили.

было ли нападение на солдат с целью освобождения арестованных, я не знаю, не видел, не говорили, что двое рабочих были ранены штыками. Еще до этого времени, тотчас после того, как был уведен от толпы Волков, я говорил казачьему офицеру, что народ желает, чтобы начальство говорило с Волковым при всем народе. Сам я лично с губернатором и прокурором никогда не говорил.

Рабочие действительно обращались ко мне за содействием написать на оумате их требования, но я никогда не был, так сказать, главою их их во время забастовки и волнений. Рабочие обращались ко мне, считая меня на это вероятно способным, так как случалось, что я читал рабочим вкоре-доре разные книги, которые брал из фабричной библиотеки- разные статьи из журналов. За это они называли меня, как я слышал, и студентом. Называли меня, /как/ я/ слышал/ и/ "Шероковым", я не знаю. 6 января вечером я был дома и никуда не ходил. Вечером был у меня Волков, крестьянин Андрей Егоров, брат Григорий, рабочий от Смирнова Лука Иранов. Мы пили чай и водку. Разговора о том, чтобы на следующий день сделать забастовку, не было. Разошлись гости в 5 или 6 часов, а лег спать. Волков тогда, кажется, в первый раз приходил ко мне, а раньше он не был, хотя мы и были с ним знакомы немного. С ним мы прочае стали видаться только во время забастовки. Раньше с ним мы вместе не жили.

С 1873 года по 1878 год я работал на фабриках в Петербурге. В 1878 году меня выслали на родину за стачку на фабрике бумагопрядильной. В следующем году я приехал опять в Петербург и опять поступил на ту же фабрику, а потом перешел на другую. Там сделалась стачка вскоре после моего приезда, и меня арестовали за участие в стачке, а в 1881 году административным порядком отправили меня в Енисейскую губернию, в город

Канск, где я провёл 2 года 8 месяцев, а затем вернулся на родину. По приезде сюда я в августе 1883 года поступил на здешнюю фабрику, где работал 1884 года, а с пасхи до сентября работал в Ликине у Смирнова. Затем поступил в г. Богородск, на фабрику Морозова, где работал до ноября, а в ноябре приехал сюда. Прежде-даже в прошлом году- на здешней фабрике рабочим жить было гораздо лучше. Хотя штрафы были и больше, но заработки были больше, так как расценки были выше и материал был лучше. А теперь и штрафы еще увеличились, и расценки до невозможности понижены, и материал стал даваться плохой, так ~~как~~ что многие рабочие не могут выработать даже на пропитание. Штрафы и по условию, пропечатанному в таблицах, назначены большие, а в действительности штрафы налагаются несравненно больше., условия в этом отношении вовсе не соблюдаются. Все штрафы и расценки, главным образом, конечно зависят от хозяина. Но ткацкий мастер Шорин и сам по себе был чрезвычайно требователен. Он всегда наказывал брковщикам принимать товар как можно строже, а если ему пожалуешься, то он еще прибавит, а то еще всячески обурдывает, в особенности женщин. Жаловаться на него никому.

Хозяин, как ~~говорят~~ говорят, в каждый приезд на фабрику только твердит о том, чтобы как можно строже штрафovali. От смотрителя Ивана Васильева я слышал даже такой случай, что хозяину раз показывали товар и что хотя он весь товар нашел хорошим и хранил, но все-таки на ткача велел записать штраф- " чтобы еще лучше сделал". Насчет размеров штрафа вы рассмотрите товароприемные книжки, которые полагаются на каждый станок.

Кроме того, не мешает посмотреть общую штрафную книгу для ткачей, которая находится у брковщиков. А у табельщиков своя книга штрафная, в которой записывается прогул и прочее.

Больше показать, объяснить ничего не могу.

Петр Анисимов Мосезенков Мосезенков.

МГОИА, ф, Московской судебной палаты.

1885 год, оп.41, д.142, л.61-65.

Отбывая Велескую политическую
ссылку Генрих Анисимович Моссеенко
выпускает журнал "Жива". К этому
журналу прилагались интересные
графиксы. Эти графиксы нужны
ему более для работы по дереву.
(украшения).

А. С. Кузовлев.

НИВА .

25 лет исполнилось в декабре 1894 года времени выхода в свет первого номера журнала " НИВА ", основанного в конце 1869 года и до ныне издаваемого тем же издательством.

Вступая в 26 год своего существования, " НИВА " и в будущем 1895 году останется неизменно верною своей задаче — быть чисто семейным журналом, стремящимся к удовлетворению нравственных, умственных и художественных потребностей русской семьи на той же высоте своего развития, до которого она дошла постепенном увеличении своего объема в течение 25 летний опыт служит ручательством того, что в будущем 1895 году " НИВА " в своих иллюстрированных номерах, продолжая совершенствоваться, явится тем же другом семьи, давая стою избранные беллетристические, художественные и популярно- научные произведения. Полных томов 12, до 1500 столбцов текста и до 500 гравюр и рисунков.

Согласно принятому в прошлом году обязательству " НИВА " даст в 1895 году, в виде главной литературной премии 12 книг сборника такого же, как в предыдущем году формата и размера, заключающим в себе вторую половину сочинений Ф.М. Достоевского.

Двенадцать книг Ф.М. Достоевского, составляющих бесплатно приложение при " Ниве " в 1895 году и выходящие в начале каждого месяца будут заключать в себе : книги I и 2 Бесы. Большой роман в трех частях., книга 3 и 4 , Поросток. Большой роман в трех частях. Книга 5 и 6 . Критические статьи, дневник писателя 1873 год, политические статьи., книга 7 и 8 . Дневник писателя 1876 года., Книга 9 и 10 дневник писателя за 1877 год и 1880— 81 гг., книга 11 и 12 Братья Карамазовы. Роман в 4-х частях с эпилогом. С получением перечисленных книг, подписчики " Нивы" на 1895 год, выписывающие журнал и в 1894 году, будут иметь полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского с его портретом, гравированном на стали Ф.А. Брокгаузом, факсимиле автографа и критико — биографическим очерком.

Примечание : к сведению граждан новых подписчиков. Лица

не состоявшими подписчиками? Нивы " в 1894 году, но желающие подписаться на 1895 год, могут получить также и первую половину сочинений Достоевского, в 12 ~~томах~~ книгах, приложенных к " НИВЕ" за 1894 год. Для этого следует уплатить 2 рубля, а с пересылкою 2 рубля 50 коп.

Ежемесячные литературные приложения, которые будут выходить в середине каждого месяца в 1895 году 18 стихотворений Кольцова, произведения русских авторов Сергея Атова, П.М. Боборыкина, Н.П. Вагнера, и князя М.Н. Волконского, П.П. Гнедича и др.

Нива на 1896 год.

12 томов полного собрания Д.В. Григоровича, вновь перепечатанного и исправленного самим автором, с приложением при одном томе автографа и портрета Д.В. Григоровича, гравированного на стали Брокгауз в Лейпциге.

Господа подписчики Нивы в 1896 году получают 52 номера журнала "Нивы" — художественно литературного, заключающего в себе в течение года около 1500 столбцов текста и 500 гравюр и рисунков.

Читайте " Епархиальные ведомости за 1895 год стр.— 373
На Ниву 1895 год читать Епархиальные ведомости за 1894 год стр.387

О ценах на товары 17 — 18 века читать Епархиальные
ведомости за 1894 год стр.379

Отчет / ПЕРВЫМ /

Члена Вологодской губернской земской управы Попова о полученных им по подписному листу, выданному из Вельской уездной земской управы, от 17 ноября 1892 года за № 2694, пожертвованных от разных лиц на устройство в деревне Сметанинской Вельского уезда, памятника в бозе почившему Государю императору Александру 2-му, в память посещения Им 16 июня 1858 года бывшего Верховского удельного приказа.

Приложена ведомость / список фамилий более 100 / из них внесли суммы : Буторин А.Н.— 10 руб., Соколов И.М.— 25 руб., врач Буршев—10 р
Худяков И.С. — 10 руб., Токарев П.И.— 10 руб., Михаил Масленников 10— р

Итого 300 рублей. Израсходовано на пересылку денег из Вологды в Вельское казначейство — 40, остается у меня на руках 45—70. Итого—345—0

НА 1895 год. 26 ГОД ИЗДАНИЯ. Исполнилось 25 лет в декабре сего 1894 года со времени выхода в свет первого номера журнала "Нива" основанного в Конце В 1869 года и ныне издаваемого тем же издателем.

"Нива" остается тем же журналом - быть чисто семейным, стремящимся к удовлетворению нравственных, умственных и художественных потребностей русской семьи, - и останется на той-же высоте своего развития, до которой она дошла постепенным увеличением своего объема в течении 25 лет.

Характер еженедельный иллюстрированных номеров "Нивы" достаточно хорошо знаком русским читателям, и 25 -летний опыт служит ручательством

того, что и в буд. 1895 году "НИВА" в своих иллюстрированных номерах продолжая совершенствоваться, является тем же другом семьи, давая строго избранные беллетристические, художественные и популярно-научные произведения. Полный том НИ-в "Нивы" даст в 1895 году до 1500 столбцов текста и 500 гравюр и рисунков.

Вторую половину сочинений Ф.М. Достоевского.

К Н И Г А -1 . и 2. Б Е С Н. Большой роман, в 3-х частях., Книга

3-4 я "Подросток". Большой роман, в 3-х частях.,

5- 6 я кн. "Критические статьи, дневник писателя 1873 года, политические статьи.,

7 -8 я кн. Дневник писателя 1876,

9 - 10 кн. Дневник писателя 1877 и 1880 -81 гг.

11 - 12 кн. Братья Карамазовы. Роман в 4-х ч. с эпилогом.

С получением перечисленных книг, подписчики "Нивы: на 95 год, выписывавшие журнал и в 94 году, будут иметь полное собрание сочинений Ф. Достоевского, с его портретом, гравированным на стали Ф.А. Брокгаузом, факсимиле автографа и критико-библиографическим очерком.

Объявление .

Открыта подписка на 1898 год. 29 год издания .

Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни, "НИВА" на 1898 год со всеми приложениями: с пересылкою в города и местности Европейской и Азиатской России - 7 рубл. Рассрочка подписной платы для гг. иногородних подписчиков допускается на следующих условиях: в 2 срока - при подписке 4 руб., и 1 июня, 1898 г. три рубля.

В три срока: при подписке - 3 рубля, 1го мая - 2 руб., и 1 августа - 2 руб.

Для господ и "Нива" даст читателям в 1898 году обширный литературный, художественный и популярно-научный материал для семейного чтения. Главная цель "Нивы" - служить в области печатного слова культурным задачам дорого нашего отечества. Сделать выдающихся наших писателей общедоступными - одно из верных средств достижения этой благородной цели. "Нива" уже дала своим подписчикам целый ряд выдающихся русских писателей: старых и новых. Ныне "Нива" может предложить своим читателям на будущий год, в виде бесплатного приложения, полное собрание сочинений И.С. Тургенева.

При "Ниве" будет приложен ежемесячный модный журнал, заключающий в себе 12 новейших "Парижских мод" и более 300 модных гравюр и рисунков по последним фасонам. На отдельно приложенных 12 больших листах будет помещено более 300 рисунков рукодельных и вышивных работ и около 300 чертежей выкроек в натуральную величину.

По заключенному "Нивою" контракту с одной из лучших фирм Парижа, модные гравюры при выходе в 1898 году будут выходить одновременно с парижскими изданиями. Многие из помещаемых в этом модном журнале рисунков исполнены французскими художниками-граверами по фотографиям с моделей, шитых у лучших парижских портных, поэтому с полнейшей точностью передают и общее впечатление, производимое нарядом и все подробности отделки. В том же модном журнале читатели найдут, в разделе "Почтовый ящик", целую серию рецептов по хозяйственному, одинаково полезных для людей как богатых, так и не

ПАТРИАРХ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

К 125 - летию со дня рождения П. А. Моисеенко

Так называли этого человека. Он был одним из бойцов самого первого отряда пролетарской гвардии России. Одним из тех первых, кто, сам пройдя все «крути ада» капиталистической торговли, понял, что выход для рабочего лишь один — борьба с существующим строем. Одним из тех, кто создавал первые рабочие союзы, кто начинал в стране массовое рабочее движение, с которыми В. И. Ленин и его соратники соединили научный социализм, создав в России пролетарскую партию нового типа.

Сын смоленского крепостного крестьянина и сам по рождению крепостной, еще мальчиком переступил он фабричный порог. Ткацкие фабрики в Орехово-Зуеве и Петербурге были его рабочими университетами. В детстве почти самоучкой Петр Моисеенко смог освоить лишь начатки грамоты. Но занятия с Плехановым стали его первым политическим университетом, а в тюрьмах и ссылках продолжил он свое образование, прочитав уйму книг, и удивительная его память ценно держала многое из русской классики, как и из безымянной русской пролетарской, революционной поэзии.

В 1874 году приехал он в Петербург, поступил в артель землекопов на фабрике Шку на Нарвской заставой и с того же года вошел в революционное движение, стал учеником Г. В. Плеха-

нова, соратником Степана Халтурина, Виктора Обнорского. Молодой ткач участвовал в первой политической демонстрации у Казанского собора, в создании «Северного союза русских рабочих». Он был одним из организаторов стачки на Новой бумагопрядильне. И этот год — 1878-й — стал началом его «тюремных университетов». Первый арест и ссылка на родину. Оттуда Моисеенко тайком возвращается в Петербург, продолжает работу в кружках. Через несколько месяцев — снова арест и снова ссылка. Теперь уже в Сибирь, в Енисейскую губернию. И вместе с ним едет в далекий путь Екатерина Сазонова, его жена, верный друг и соратник.

Минули три тяжелых сибирских года, и открылась самая славная страница революционной биографии Пет-

ра Анисимовича Моисеенко. Он поступил ткачом на фабрику Морозова в Орехово-Зуеве. Никольская мануфактура «прославилась» жестокими порядками, произволом администрации. Разве может революционер мириться с этим! Вместе со своими соратниками Василием Волковым и Лукой Ивановым-Абраменковым Моисеенко сумел поднять в январе 1885 года забитых и бесправных ткачей на забастовку. «Морозовская стачка» всколыхнула пролетарскую Россию и испугала самодержавие. «Эта громадная стачка...» — писал В. И. Ленин, — произвела очень сильное впечатление на правительстве, которое увидело, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу...».

Власти, вызвав войска, жестоко расправившись с забастовщиками, шестьсот че-

ловек было арестовано. Новое судебное процесса вскрылась такая ужасающая картина произвола, царившего на фабрике Морозова, что даже царский суд вынужден был оправдать рабочих. И все-таки руководители забастовки на свободу не выпустили. Моисеенко и Волкова «административным порядком» выслали в северные губернии.

Осенью 1886 года снова для Петра Анисимовича и Екатерины Сазоновны начался долгий этапный путь — через Кириллов и Вологод, Каргополь и Холмогоры, пока, наконец, архангельский полицмейстер не донес губернскому начальству: «...арестанты Петр Моисеенко с женою Екатериною... доставлены в Архангельск по плану 26 сего ноября и того же числа заключены в здешний тюремный замок впрямь до особого распоряжения...». А в последний день января следующего года конвой доставил их в Мезень.

«...Приметы: лет 34, рост 2 арш. 2½ вершка, лицо рябоватое, глаза серые, волосы и брови темнорусые, нос рода и усы светлорусые, нос небольшой...». Такой «портрет» Моисеенко, составленный полицейскими властями, содержится в «открытом листе», который сопровождал его в северную ссылку. Но настоящий портрет Петра Анисимовича тех мезенских, а потом пинежских лет рисуют другие слова:

«Большое все поразило меня Моисеен. Вся коммуна сразу почувствовала в нем настоящего непримиримого революционера, которого ничем не собьешь с революционного пу-

ти. Революция поглотила все его существо, все мысли и заботы. Вне революции для него не было «смысла жизни».

Он был живой, как ртуть, жизнелюбивый, не знал уныния... И это — небольшого роста, коренастый, с веселыми, хитро-зазорными глазами — человек неистощимой энергии, неистощимой веселости, неистощимой трудоспособности — не давал нам вешать носы...

В теоретических вопросах был самым сильным его, называли Мариком, политико-экономической эрудирцией, но в практических вопросах мы были перед ним мальчишками. И когда он рассказывал нам о своей революционной работе, о том, как он устал организовать массы, как они беззаветно шли за ним, мы опять чувствовали себя мальчишками.

Он оказал огромное влияние на нас на всех, и особенно на меня. Мое теоретическое осознание классовой борьбы он углубил и превратил не только в сознание, но и в чувство».

Так сказал о Моисеенко его младший товарищ по ссылке в Мезени, а потом в Пинеге, писатель А. С. Серафимович. Вместе с Моисеенко и другими ссылными составили они артель. Бывший ткач очень быстро овладел столярным ремеслом и учил ему своих товарищей. Работа в мастерской, как и занятия, сращивала унылую ссылную жизнь, помогала завязывать связи с местным населением. Наконец, она давала заработок, так необходимый Моисеенко. Ведь царская казна отпущала «казенного пособия» в месяц 1 рубль 30 копеек на него, столько же на жену да 65 копеек на дочь Инну, родившуюся в Мезени. И когда удалось перебраться южнее, в Пинегу, и здесь Моисеенко с Серафи-

мовичем продолжали столарничать.

Революционер, он оставался им и в ссылке. Сохранились «прошения» Моисеенко архангельскому губернатору — гневные протесты против произвола полицейских властей в Мезени и Пинеге по отношению к политическим ссылным. Сохранился протест Моисеенко и Серафимовича против зверского избиения политических ссылных под Холмогорам в январе 1888 года.

Позади три ссылных года. Впереди скитания по России, пока, наконец, Серафимович и другие товарищи по пинежской ссылке не позвонят ему в Ростов-на-Дону. А там всего год свободы — год революционной работы в рабочих кружках. И снова арест, снова вместе с Екатериной Сазоновной, этапный путь в ссылку на Север, на этот раз в Вельск.

О жизни в этом уездном, тогда чиновном и мешанском городке, где он был единственным «политиком», Моисеенко оставил в своих воспоминаниях скупые строки. Но вельский краевед А. С. Кузьмин разыскал документы, свидетельствующие, что и отсюда Петр Анисимович сумел поддерживать связи с некоторыми товарищами по борьбе, и рассказал об этом в свое время на страницах «Правды Севера».

Позади и эта ссылка. А впереди годы революционно-го подполья в Донбассе, скитаний из города в город, с рудника на рудник — надо было спастись от полиции,

от черносотенцев, ведь не раз его пытались убить.

Октябрьскую революцию Моисеенко встретил на Кавказе. Было ему уже 65 лет. Но в годы гражданской войны старый революционер пошел санитаром в Красную Армию.

Последние годы Петр Анисимович жил в Харькове. И тогда он совершил свой последний подвиг. Уже смертельно больной, сперва одним пальцем на машинке, потом от руки написал он свои «Воспоминания старого революционера», книгу удивительную — бесхитрое и в то же время яркое повествование, охватывающее полвека рабочей борьбы.

Незадолго до кончины, выступая в Орехово-Зуеве, Петр Анисимович говорил: «Мне пришлось дожить... до того народного счастья, которое ожидалось всеми людьми и до которого не каждому доводится дожить... Я верю, что вы, товарищи, будущее поколение, будете так же идти по стопам тех борцов, которые жили до вас».

Тело его похоронено в Орехово-Зуеве, у подножия памятника Борцам Революции. Именем его названы фабрики в этом городе и Ленинграде. Память о славном пролетарском борце хранит и наш Север, с которым были связаны больше шести лет его жизни. Имя Моисеенко носит улица в Мезени и Вельске.

С. КОСУХКИН.

Эта фотография П. А. Моисеенко прикреплена к «открытому листу», с которым он направлялся из Вологды в Вельск.

ас 10 2
8121

Александр КУЗЬМИН

ПЕТР МОИСЕЕНКО В ВЕЛЬСКЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В ВЕЛЬСКЕ на одном из домов по улице Советской прибита мемориальная доска. На ней написано: «Во дворе этого дома находился флигель, в котором в 1895—1897 гг. проживал выдающийся русский рабочий-революционер Моисеенко Петр Анисимович, один из организаторов Морозовской стачки 1895 года в Орехово-Зуеве».

С момента открытия мемориальной доски прошло несколько лет. По крупицам собиравший мною материал о пребывании Моисеенко в вельской политической ссылке. Были встречи со старожилками, которые еще помнят Петра Анисимовича; была работа в государственных архивах... И постепенно раскрылась страничка истории тех далеких дней.

— ПОЧИТАИ, что нам шлет по секрету канцелярия губернатора, — предложил исправник своему помощнику.

— «Секретно. Господину вельскому исправнику...» — прочитал торжественно первые строчки помощник, а затем монотонно, как молитву: «Департамент полиции от 26 августа сего года за № 4153 сообщил мне, что по рассмотрению в особом совете, образованном согласно статье 34 положения о государственной охране, обстоятельстве дела о крестьянине Смоленской губернии Петре Анисимовиче Моисеенко (он же Анисимов), обвиняемого в социально-революционной пропаганде среди рабочих в городе Ростове-на-Дону».

Господин министр внутренних дел постановил выслать Моисеенко в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции сроком на три года, считая таковой с 19 августа 1894 года, по сему он ныне доставлен в город Вологду.

Назначив Моисеенко местом жительства город Вельск, мною предложено вологодскому полицмейстеру отправить его в Ваше распоряжение этапным

порядком. Предписываю Вашему высокоблагородию, по прибытии названного ссыльного, учредить за ним гласный полицейский надзор по положению 12 марта 1882 года и об исполнении сего довести мне немедленно и сообщить начальнику губернского жандармского управления.

Подпись вице-губернатора...

— Вице-губернатор шлет в наше распоряжение политического. Вел революционную пропаганду среди рабочих в Ростове-на-Дону, — повторил исправник текст секретного донесения. — Да не тот ли это Моисеенко, который в 1895 году организовал стачку ткачей на фабрике Морозова? — и сам ответил: — Тот! Да, вот какую важную птицу к нам шлют на жительство! Смотри за ним и не проворонь...

— Не провороним! Губернатор не зря выбрал местом ссылки Вельск. Доверяет нам. Надеется на нас. Знает: революционной пропаганды среди чиновников удельного ведомства вести не будет, — высказал свои мысли помощник.

Исправник побарабанил пальцами по столу, сказал помощнику:

— Политический... Через

полторы недели жди. Да! Квартире надо подыскать у надежных. Осведомителей подбери проверенных. Каждый шаг и каждое слово этого Моисеенко должны быть зафиксированы!..

В ЭТО самое время, когда вельский исправник со своим помощником разбирали секретную почту губернатора, из Вологды по направлению Кадникова медленно двигалась партия политических ссыльных. Среди них шли Моисеенко Петр Анисимович и его жена Екатерина Сазонова, по доброй воле решившаяся разделить участь мужа и тем облегчить его судьбу.

Стояла страшная стужа. Порывистый встречный ветер хлестал в лицо, выдувая последнее тепло из-под одежды. Под ногами скрипел жесткий снег. Идти было тяжело и трудно.

— Черти, а не люди! Подводы не дали, — негодовала жена Моисеенко по адресу вологодского полицмейстера.

— Ничего, Катя, потерпи... Инструменты бросать нельзя: моя работа, наш хлеб. Как-нибудь дотащим до Кадникова. А там лошадку найдем...

До Кадникова шли пешком два дня. Устали да и простыли за дорогу. Петр Анисимович попросил начальника конвойа провестить его и жену к доктору — достать каких-либо порошков от простуды. Разрешили. Доктор оказался человеком большой души. Прислушал, дал лекарство и согласился больную подвести до Тотмы.

Происшествий в дороге не было. Конвой попался хороший: свободно отпускал ссыльных ходить по деревням и закупать продукты.

В Тотме останавливались на отдых на два дня. Политическим предложили кормиться из арестантского котла и кормовых денег за эти дни не выдавали. Петр Анисимович по этому поводу очень расстроился, питаться из общего котла отказался. Нашел начальника конвойа и просил его разобраться, ходил к полицмейстеру исправнику — не помогало. Там же, в полицейской управе, написал жалобу и отослал ее в Петербург самому министру внутренних дел.

В ВЕЛЬСК прибыли 19 ноября. Привели в полицейское управление. Помощник исправника пригласил сестру, окинул внимательным взглядом политического с ног до головы и приступил к делу: задавал вопросы, все время отмечая что-то в лекажной на столе большой бумаге.

(Продолжение следует.)

Александр КУЗЬМИН

ПЕТР МОИСЕЕНКО В ВЕЛЬСКЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Нижне мы публикуем вопросы помощника исправника и ответы политического ссыльного.

Вопросы

Ответы

Имя, отчество, фамилия? Петр Анисимович Моисеенко, к-н Смоленской губернии, Сычовского уезда, Кравцовской волости, деревни Обыденной.

Место рождения? То же.

Вероисповедание? Православный.

Лета? 42 года.

Грамотный? Грамоте нигде не обучался.

Был ли под судом или следствием? Был под судом в 1885 году по делу о стачке на фабрике Морозова Покровского уезда, Владимирской губернии. По суду оправдан.

Женат или холост? Женат на крестьянке Смоленской губернии, Сычовского уезда, Богоявленской волости Екатерине Сазоновой.

Имеет ли детей? Не имею.

Имеет ли родителей? Имею мать — крестьянку деревни Обыденной Марию Яковлевну Моисеенко, 63 лет, которая проживает в деревне Обыденной.

Имеет ли родных братьев, сестер, их лета и место жительства? Имею братьев Григория и Алексея Моисеенко. Первому 36, второму — 25 лет. Где проживают, неизвестно, а раньше проживали в Псковской губернии, в селе Бенцы.

Следует ли за ним в места ссылки и кто? Следует жена Екатерина Сазонова.

Имеет ли собственные средства существования и в чем они заключаются? Средств не имею.

Знает ли ремесло? Столярное.

Чем до сего времени добывал средства существования, как сам, так и жена? Столярным ремеслом. Жена — домашняя хозяйка.

Имеют ли родители состояние? Не имеют.

По какому распоряжению и за что именно учрежден гласный полицейский надзор? Постановлением господина министра внутренних дел, по обвинению в социально-революционной пропаганде среди рабочих. За что господин министр водворил меня в политическую ссылку на три года в г. Вельск, считая таковой с 19 августа 1894 года.

— Все верно, — вместо вопроса произнес помисправника. — А теперь вот бумажка с адресом: жить будете у доброй

(Продолжение. Нач. в № 12.)

старушки, квартирка маленькая, но уютная и теплая.

— Маленькая нас не устраивает. От отца в наследство достались руки и этими руками добываю хлеб насущный, а поэтому думаю открыть столярную мастерскую... — взволнованно проговорил Моисеенко.

Позднее Петр Анисимович в своих воспоминаниях пишет:

«Помощник исправника объявил, что я должен являться в полицию ежедневно и т. д.

Немного отдохнув с дороги, я отправился на поиски более удобной квартиры не только для жилья, но чтобы можно было устроить мастерскую и начать работать. А ну-ка, думаю, зайду в трактир, авось разузнаю кое о чем. Захожу — сидит жандарм с хозяином трактира и еще несколько гостей. Спрашиваю, не ужает ли кто, где найти квартиру, отдельно избу или флигель? Жандарм сейчас же с доспросом:

— А вы кто такой?

— Как видите, человек. Только что прибыл в ваш городишко и вот нужна квартира. Если знаете — укажите, буду очень благодарен.

Тогда мой жандарм подумал несколько, потом говорит:

— Есть тут флигелек свободный: не знаю, пустят ли. Сходите вот на Дворянскую улицу, рядом с земской управой, спросите портного Каткова...»

Портной Катков оказался человеком весьма радужным. Повел политического ссыльного посмотреть флигель, попутно поведал все мелочи вельской жизни. Флигель Петру Анисимовичу понравился, быстро сошлись по части цены, договорились, что завтра к обеду жильцы переберутся на постоянную квартиру.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ Екатерина Сазонова на квартире, указанной в полиции, давно уже приготовила обед и с часу на час поджидала мужа, а когда Петр Анисимович вернулся, встретила его вопросом:

— Ну что? Нашел?

— Везет нам с тобою, Катя! Нашел, правда, не дворец, но для столярной вполне подойдет и где жить место есть. Флигель во дворе, на отставе. Тишина. Завтра перенесем вещи и начнем жить по-новому. Этапная жизнь осталась позади.

Пообедали. Утешая жену, Петр Анисимович говорил:

— Не печалься. Нам с тобой не привыкать мерять версты по святой Руси. Теперь, считай, на три года дома. С дороги надо отдохнуть. Утро вечера мудренее. А завтра будет день и пища будет.

(Продолжение следует.)